

16 СЕН 1944

ОБЛИК ПИСАТЕЛЯ-БОЙЦА

А. КРОН

Прошло три года со дня смерти Юрия Крымова. Он ушел на войну одним из первых, он рвался в бой и не хотел потерять лишнего дня на сборы. 25 июня его эшелон был уже в пути на фронт. В течение июля—августа от него приходили письма. Они были адресованы жене и родным, теперь они заслуженно стали известны народу. В этих великолепных человеческих документах, проникнутых свойственным Крымову жизнеудовлетворением, мирощущением, встает образ писателя-бойца, передового гражданина своей страны. В каждом из этих писем сквозит глубокая и ясная вера в нашу победу над фашизмом, вера, которую не могли поколебать самые суровые испытания. В первых числах сентября связь с Юрием оборвалась...

Два с лишним года все те, кому близок и дорог был Крымов, с волнением и надеждой ждали его возвращения. Сознание не мирилось с мыслью, что он больше не вернется. Ждали, не уставали надеяться, жадно прислушивались к вестям с фронта. Одно время пронесся слух: Юрия видели в партизанском отряде. Это было похоже на Крымова, поэтому верилось. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь высказал предположение, что Юрий мог сдать врагу. Все, что знал его хоть немного, понимали — это невозможно, несовместимо с характером Крымова. Погиб в бою или живет и продолжает бороться — третьего не дано.

Летом в конце прошлого года, когда наши наступающие войска освободили Полтавщину, стали известны истинные события, разыгравшиеся в районе села Богодуховка, где в сентябре 1941 года в неравном бою пал смертью героя писатель-большевик Юрий Крымов. Мне довелось держать в руках слипшиеся от крови, пробитые насквозь немецкими штыками листки предсмертного письма

Крымова, и к мучительной горечи утраты примешивалось чувство гордости, восхищения силой и благородством характера человека, сумевшего и перед лицом смерти остаться верным своему высокому представлению о смысле и назначении человеческой жизни.

Юрий Крымов был в высшей степени цельной натурой, один и те же законы управляли им и в частной жизни, и в общественных отношениях, и в творчестве. Он не знал разрыва между своим литературным кредо и личной судьбой. Те гражданские идеалы и этические принципы, которые он утверждал в своих произведениях, были в то же время органическими свойствами его натуры. Он был похож на своих любимых героев и не мог и не хотел быть последним среди них. Вероятно, это качество должно быть присуще всякому писателю, чья жизнь и творчество неразрывно связаны со строительством нового, социалистического общества.

Если эта мысль верна, то можно с уверенностью сказать, что в характере Юрия Крымова были ярко выражены черты нового человека. Дарование сочеталось в нем с исключительной честностью, скромностью и суровой требовательностью к себе. Он остро ощущал огромную ответственность, которую накладывает звание советского писателя, и старался быть достойным его всюду, всегда и во всем. Этот цельный характер был в то же время характером сложным, многообразным в своих проявлениях: фанатик, человек, одержимый идеями, уживался в нем с жизнелюбием, чуждым ложному ас-

кетизму; зрелость мысли и огромный для молодого человека опыт жизненной борьбы сосуществовали с очаровательной ребячливостью; он был суров и нежен, умел быть непримиримым, не теряя объективности художника, видел мир романтически и чуждался всякой позы.

За свою тридцатичетырехлетнюю жизнь Крымов написал сравнительно немного и еще меньше опубликовал. Две повести, несколько рассказов, киносценарий... В «Танкере Дербент», этой прекрасной книге, запечатлены те лучшие черты советских людей, воспитанных партией Ленина — Сталина, которые обеспечили победу нашего строя, а в наши дни — победу нашего оружия. Среди этих людей Крымов жил, знал их, любил и понимал их душу. Он умел учиться у них — теперь по его книгам учиться жить подрастающее поколение.

И в «Танкере», и в «Инженере» — повести, насыщенной глубоким идейным содержанием, — в рассказах ярко раскрывается сквозная тема крымковского творчества. Эту тему я бы сформулировал так: жизнь человеку дана для того, чтоб прожить ее крупно, талантливо, смело, в непрерывном творческом созидании новых ценностей, в неустанном стремлении к новым горизонтам. Это и есть счастье. Высшее счастье есть подвиг на благо человечества, во имя его передовых идей. К этому подвигу нужно готовиться всю жизнь, искать его, ибо в нем высшая ценность и смысл человеческого существования. Жизнь, лишенная борьбы и пафоса созидания, жизнь потребительская, бескрылая, движимая лишь эгоистическими импульсами, унижает человека, обедняет его духовный мир и не может дать подлинного счастья, которое ведомо только людям, движущим историю вперед.

К тому времени, когда Крымов

дебютировал в литературе, его мировоззрение уже имело прочные основы. Он пришел в литературу не со школьной скамьи, за его плечами был опыт активного участия в строительстве социализма. «Танкер Дербент» был написан зрелым человеком, прошедшим путь от рядового матроса каспийского пароходства до инженера и научного работника.

Уже будучи известным писателем, Юрий Крымов не отрывался от своей страсти — специализации, считая раннюю профессионализацию гибельной для писателя. Над своими произведениями он работал медленно, с придирчивой тщательностью, предъявляя к себе самые строгие требования. Не существовало таких соображений, по которым он согласился бы выпустить в свет произведение незавершенное или несогласное с его собственными воззрениями. Уже осознав свое призвание писателя, Крымов долгое время не считал себя вправе делать литературный труд единственным источником своего существования. Ему равно претили и погоня за литературным заработком, и перспектива жить за счет общественных организаций. Во все времена его быт был бытом скромного советского специалиста, никаких следов «жирка» или богемской распушенности нельзя было найти в этом великолепно тренированном для творческого труда и активной борьбы человеке.

Юрий Крымов умер коммунистом. Он был принят в ряды большевистской партии за несколько часов до последнего боя. Он вступил в партию как солдат Красной Армии, отличившийся в боях. Командиры, давшие рекомендации, знали его в течение полутора-двух месяцев. Но за эти полтора-два месяца они узнали о Крымове так много, как не всегда удается узнать о человеке за всю его жизнь. В эти боевые дни с утроенной силой проявилось богатство души Крымова, его темперамент и мужество бойца, благородная гордость советского патриота, жажда подвига

и готовность к нему, воспитанные всей его предыдущей жизнью.

О вступлении в партию Юрий думал давно. Не раз в беседах с товарищами-коммунистами он говорил об этом. Он и был большевиком всегда — непартийным большевиком, человеком, до конца преданным идеям коммунизма. И, однако, он медлил с подачей заявления. Не потому, что он не придавал значения оформлению своей партийной принадлежности. Наоборот, именно потому, что он смотрел на вступление в партию, как на ответственный шаг в жизни человека, и с этих позиций придирчиво и беспристрастно проверял себя и, проверяя, одновременно готовил себя к этому крупнейшему событию. В написанном за несколько часов до последнего боя письме есть такие строки, обращенные к жене, с которой он привык делиться своими мыслями с предельной полнотой и искренностью: «Ты понимаешь, я всегда чувствовал, что буду вступать в партию в обстановке жестокой борьбы. Но действительность превзошла все мои предчувствия. Я вступил в партию в тот момент, когда соединение в окружении... накануне (решающего смертоносного боя (в кругу моих) товарищей».

В этих немногих словах мы узнаем жизненный стиль Крымова — страстная тяга к жизни трудной и героической, при глубоком отвращении к красивой фразе, всякой нескромности и шумихе.

Скромность Крымова происходила не от недооценки им своих сил. Нет, он знал себе цену. И именно поэтому он постоянно пребывал в состоянии творческой неудовлетворенности достигнутым, не обольщался успехами, постоянно предъявляя себе счет значительно более суровый и полный, чем тот, который могла ему предъявить самая взыскательная критика. Он не стремился повторить успех, используя уже найденные приемы. Он не искал удачи, он искал путей к вершинам искусства. Он понимал,

что искусство, литература — это тоже подвиг.

Я помню Юрия в день получения им первого в его жизни ордена. Наряду с чувством законной радости я ощутил в нем раздумье, даже нечто похожее на испуг. Я не помню точно, что он тогда говорил, но совершенно ясно понял, что для Крымова орден — не свидетельство о признании его постоянного места в «литературной иерархии», что он не принесет ему покоя и не даст почивать на лаврах, а лишь усилит в нем беспокойство художника, еще обострит его чувство писательской и гражданской ответственности перед народом.

Последнее, что написал в своей жизни Крымов, — это письма с фронта. Они не предназначались для печати, и все же они останутся в литературе не только в силу зрелости и яркости рассыпанных в них наблюдений и мыслей, но и как документ эпохи, рисующий облик человека, чья жизнь и смерть дают повод для глубоких обобщений. Да, такова сила духа наших лучших людей, именно эти черты свойственны нашему народу, пронесшему через все испытания войны свою могучую волю к победе и гордый дух независимости. Перечитывая эти письма, вновь переживаешь жгучую боль от сознания, что не довелось Юрию разделить с нами радость победы, в которую он свято верил и во имя которой пошел на бой, что так рано оборвалась талантливая и многообещающая писательская жизнь. Юрий Крымов был именно тем писателем, от кого в первую очередь можно было ожидать масштабного и правдивого изображения народа в Отечественной войне.

Но живой силой обладает образ Юрия Крымова, инженера, писателя, солдата, который жил с мечтой о подвиге, звал к нему в своих произведениях и умер, как герой.